

Прикладная культурно-историческая психология перед вызовами современности

В.И. Олешкевич

Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой, Москва, Россия

Н.С. Бурлакова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 9 сентября 2020 / Принята к публикации: 16 сентября 2020

Applied Cultural-Historical Psychology in Front of Current Challenges

Valery I. Oleshkevich

Sukharev Scientific and Practical Centre for the Mental Health of Children and Adolescents, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5734-2760

Natalia S. Burlakova*

Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7244-6509

* Corresponding author E-mail: naburlakova@yandex.ru

Received September 9, 2020 / Accepted for publication: September 16, 2020

Актуальность. Современная ситуация пандемии и целый ряд иных кризисных ситуаций в современном обществе показали недостаточную разработанность методологии клинической психологии, которая длительное время ориентировалась на изучение различного рода клинических групп, создание частных методик, индивидуальную коррекцию и психотерапию. Такая многопредметная и в большинстве своем натуралистическая организация клинической психологии, как оказалось, не отвечает проблемам, которые возникают в современном массовом информационном обществе, в частности, возникающим в кризисных ситуациях. Исследование показывает, что этим критериям удовлетворяет культурно-историческая клиническая психология.

Цель статьи — анализ возможностей развития клинической психологии в кризисной ситуации пандемии, сопоставление возможностей и способов реагирования как традиционной, так и культурно-исторической психологии на вызовы новых социальных и культурных реальностей. Свою задачу мы видели том, чтобы представить в основных чертах направления развития клинической психологии с ориентацией на все большее соответствие требованиям современной культуры.

Результаты. Намечен ряд тенденций развития клинической психологии, ее движения в направлении культурно-исторической клинической психологии. Показаны возможности сдвига от констатирующих исследований к предвосхищающим и проектным, от изучения фактов и корреляций данных к изучению культурно-исторических механизмов формирования расстройств и психотехник коррекционного и превентивного влияния. Обрисованы перспективы перемещения разработок в культурно-исторической психологии в направлении движения от рецептивного изучения клинических групп к контролю формирования патопсихологических явлений в больших социальных группах и информационных пространствах.

Выводы. Представлено новое поле методологических и онтологических разработок с целью создания системной прикладной культурно-исторической психологии, способной активно и предвосхищающим образом отвечать на вопросы современного общества и культуры. Показана возможность участия данного направления психологической науки в решении актуальных практических задач, возникающих в ситуации пандемии и аналогичных ситуациях.

Ключевые слова: клиническая психология, культурно-историческая клиническая психология, конструктивная психология, прикладная психология, психотехника, информационное общество, пандемия.

Relevance. The current situation of the pandemic and a number of other crisis situations in modern society have shown the insufficient development of the methodology of clinical psychology which for a long time has been focused on the study of various kinds of clinical groups, the creation of single techniques, individual correction and psychotherapy. As it turned out, such a multidisciplinary and mostly naturalistic organization of clinical psychology does not meet the problems that arise in the modern mass information society, in particular in crisis situations. The study shows that cultural-historical clinical psychology meets criteria of multiple challenges.

The objective of the article is to analyze the possibilities for the development of clinical psychology in a crisis situation of a pandemic, to compare the possibilities and ways of both traditional and cultural-historical psychology to respond to the challenges of new social and cultural realities. Our task in this research was to broadly present the main directions of development of clinical psychology with an orientation towards increasing compliance with the requirements of modern culture.

Results. A number of trends in the development of clinical psychology, its progress in the direction of cultural-historical clinical psychology are outlined. The possibilities of a shift from ascertaining studies to anticipatory and project ones are shown. This type of a shift means moving from the study of facts and data correlations to the study of cultural and historical mechanisms of the formation of disorders and psycho-techniques of corrective and preventive influence. The prospects for the move of cultural-historical psychology in the direction from the receptive study of clinical groups to the control of the formation of patho-psychological phenomena in large social groups and information spaces are outlined.

Conclusions. A new field of methodological and ontological developments is presented with the aim of creating a systematic applied cultural-historical psychology that can actively and in anticipatory manner answer the questions of modern society and culture. The research has shown the possibility of involving this area of psychological science in solving urgent practical problems arising during the pandemic and other crisis situations.

Keywords: clinical psychology, cultural-historical clinical psychology, constructive psychology, applied psychology, psycho-technics, information society, pandemic.

Введение в проблему

Сегодня в современном обществе наблюдается целый ряд кризисных явлений. Это не только ситуация новой вирусной пандемии, но и экономический кризис, ряд политических потрясений. Вирусная инфекция причудливо соединяется и объединяется с информационными войнами, информационной агрессией и так называемыми психическими инфекциями. Что может означать столь сложный кризис для психологии? Он может создавать условия, по крайней мере, для самоосознания самой психологии. В этой ситуации создаются наиболее благоприятные условия, чтобы спросить ее: что она есть? что осознано и понято? что она может сделать в этих условиях?

Вирусная инфекция причудливо соединяется и объединяется с информационными войнами, информационной агрессией и так называемыми психическими инфекциями. Что может означать столь сложный кризис для психологии? Он может создавать условия, по крайней мере, для самоосознания самой психологии. В этой ситуации создаются наиболее благоприятные условия, чтобы спросить ее: что она есть? что осознано и понято? что она может сделать в этих условиях?

Кризис означает сбой старых автоматизмов. Теперь что-то из старого явно не срабатывает, а что-то выходит на поверхность, так что его можно явно увидеть и осознать, а если этого не сделать, оно снова уйдет в тень и так и останется не

понятым. Психология в такой ситуации, в частности, может по-новому взглянуть на себя, понять себя, задуматься о своих возможностях. Особенно это касается клинической психологии, поскольку здесь мы имеем дело с ситуациями развития болезненных состояний на самых различных уровнях. Что делает и что может сделать клиническая психология в этих условиях? Задним числом фиксировать некоторые качества патопсихологических явлений? Рецептивно отображать происходящее? Или в этих условиях осознать себя как продуктивную силу, как действительную социальную науку, способную активно участвовать не только в осознании структур социальной жизни, но и способную ее изменять и проецировать более эффективные образцы

социальной жизни и психологической культуры?

На многие вызовы современности сегодня могла бы ответить именно прикладная психология, в частности, прикладная медицинская психология. Развитие по-

следней после периода интенсивного развития в начале в США, а потом и в России сегодня по целому ряду причин значительно приостановлено. Это связано, в частности, с быстрой дифференциацией предметных областей научного исследования, а в советской России – с замещением психотехники системными исследованиями, которые в значительной мере нивелировали возможности психологии. Они свели прикладную психологию к одной из частных предметных областей внутри широкого многообразия других предметов. Сегодня и прикладная психология в целом, и клиническая (медицинская) психология, в частности, оказались несамостоятельными, неспособными решать какие-либо практические задачи. Не образовалось устойчивой психологической дисциплины, способной ставить и решать актуальные задачи культуры, прежде всего, психологически анализировать проблемы культуры, осознать и рефлексировать их значимость и изучать возможности психотехнического решения такого рода задач.

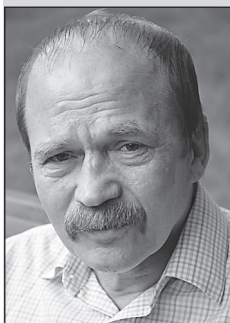
Несмотря на то, что в современной клинической психологии наблюдается целый ряд гуманитарных тенденций и гуманистических интересов, в целом она продолжает развиваться преимущественно в естественно-научном русле, ориентируясь в лучшем случае на методологию доказательной медицины и на позитивно осмысленные констатирующие исследования (Алфимова, 2018; Урываев, 2018 и др.). Здесь до сих пор не проведены четкие методические различия между общенаучным и прикладным исследованием, не заданы ясные идеалы и цели прикладных разработок.

В некотором роде противоположностью этой психологии является культурно-историческая клиническая (медицинская) психология, которая изначально является генетической, конструктивной, превентивной и смотрящей в будущее, на перспективы развития различных областей культуры. С нашей точки зрения, культурно-историческая клиническая психология – это психология, которая способна отвечать на актуальные вопросы жизни, решать актуальные проблемы не только медицины, но и культуры в целом. При этом речь идет и о новой онто-

Наталья Семеновна Бурлакова –

кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
<https://istina.msu.ru/profile/BurlakovaNataliaSemenovna/>

Валерий Иванович Олешкевич –

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Научно-практического центра психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой Департамента здравоохранения города Москвы
<https://istina.msu.ru/workers/457861/>

логии психологии, и о системной методологии психологии (Олешкевич, 2019, 2020). Все это позволяет решать целый ряд культурных, в частности, сугубо медицинских задач на более высоком и значительно более конструктивном уровне. Например, традиционная задача диагностики решается на уровне культурно-исторической диагностики, где диагноз реконструируется на основе социальной истории субъекта и реконструкции структуры его самосознания, причем таким образом, что из него непосредственно следуют подходы к терапии, реабилитации, ресоциализации и пр. Благодаря своей культурно-исторической онтологии эта психология не останавливается на индивидууме, но обращается и к анализу больших социальных систем, в том числе и медицинских систем. Например, сегодня медицину видят как некоторую естественную науку, с одной стороны, и врачебную практику, врачебное искусство, – с другой стороны. Вместе с тем, это две стороны медицины, которые должны находиться в постоянном взаимодействии, которое, в свою очередь, требует специального гуманитарного, в том числе и психологического анализа.

Особому гуманитарному, социальному и психологическому анализу сегодня подвергаются межличностные отношения врача и пациента как отношения диагностические, терапевтические и т.п. (Врач-пациент ..., 1996 и др.). Такие исследования сегодня уже не могут быть адекватно осуществлены только в рамках естественно-научной методологии, они требуют методологии культурно-исторической. Особенно это касается социально-психологического анализа больших терапевтических систем. В настоящее время часто оказывается, что с пациентом имеет дело не просто отдельный врач или даже несколько врачей, а более широкие терапевтические системы, особым образом организованные и оказывающие системное социально-психологическое влияние на пациента.

Сегодня много говорится о межпредметных подходах к исследованию, о мультидисциплинарных объектах исследования, о работе полипрофессиональных бригад. Однако все эти подходы часто оказываются недостаточными. Для решения новых, системных задач требу-

С нашей точки зрения, культурно-историческая клиническая психология – это психология, которая способна отвечать на актуальные вопросы жизни, решать актуальные проблемы не только медицины, но и культуры в целом. При этом речь идет и о новой онтологии психологии, и о системной методологии психологии

ются новые, более объемные и системные онтологии. Например, одной из таких проблем является проблема усыновления сирот, в частности, решение задачи родственного усыновления. В ее решении сегодня участвует целый ряд специалистов, глубокая коммуникация между которыми бывает затруднительной, а решение соответствующих задач не всегда эффективным. Эти задачи можно значительно продуктивнее решать на основе онтологии культурно-исторической психологии развития. Там в центр анализа и психотехнического контроля ставится именно оптимальное развитие ребенка. Для решения данной задачи каждый раз разрабатываются социальные, административные, психологические и пр. техники и технологии, в которые включается все необходимое разнообразие специалистов (Бебчук, 2015; Печникова, Олешкевич, 2018).

Современные патопсихология и клиническая психология в целом дифференцированы на ряд более мелких субдисциплин, связь между которыми не всегда отчетливо распознаваема. Если добавить к этому еще преимущественно естественно-научную ориентированность построения этих дисциплин и преимущественно позитивистскую ориентацию их методологии, то становится ясно, почему так организованная психология не может отвечать на практические вопросы, тем более отвечать быстро и оперативно

Современные патопсихология и клиническая психология в целом дифференцированы на ряд более мелких субдисциплин, связь между которыми не всегда отчетливо распознаваема. Если добавить к этому еще преимущественно естественно-научную ориентированность построения этих дисциплин и преимущественно позитивистскую ориентацию их методологии, то становится ясно, почему так организованная психология не может отвечать на практические вопросы, тем более отвечать быстро и оперативно. Когда же говорится о культурно-исторической клинической психологии, то речь идет об охвате, рефлексии этой психологией культуры, социума и различных его социальных групп как не-

которого развивающегося целого. Такой же расширенный подход характерен для методологии этой психологии, инкорпорирующей в себе методологию более широких областей культуры. Такая психология может, например, активно использовать опыт анализа структур художественных текстов, возможности их терапевтического и развивающего влияния, опыт психологического изучения работы театра как сложной семиотической машины по производству некоторого нового культурного опыта и т.п. На этом пути клиническая психология может сформировать и апробировать более широкий потенциал психологических средств как исследования и диагностики нового культурно-исторического опыта, так и его психотехнического преобразования и коррекции. Подобные психотехнические формы могут превратиться в настоящий потенциал средств клиниче-

ской психологии, которые она всегда может использовать, сталкиваясь с самыми неожиданными и непредсказуемыми ситуациями. В этом случае мы будем видеть прикладную клиническую психологию не как многоликую совокупность узких тем и соответствующих им различных узконаправленных специалистов различной квалификации, а как разработанную и систематизированную парадигматику средств и техник психологической работы, систему организованных и систематизированных предметных содержаний, готовых к применению в новых ситуациях в обществе и культуре.

Нечто подобное существует и в естественных науках. Так, столкнувшись с проблемой нового коронавируса, наука очу-

Столкнувшись с проблемой нового коронавируса, наука очутилась в определенной растерянности из-за того, что решение данной проблемы оказалось рассредоточенным между целым рядом предметных областей: эпидемиологией, молекулярной, генетической и др. вирусологией, и т.д. Единой онтологии, вбирающей в себя и интегрирующей все достижения современной науки не нашлось. Потребовалась более интегральная онтологическая картина реальности

тилась в определенной растерянности из-за того, что решение данной проблемы оказалось рассредоточенным между целым рядом предметных областей: эпидемиологией, молекулярной, генетической и др. вирусологией, и т.д. Единой онтологии, вбирающей в себя и интегрирующей все достижения современной науки не нашлось. Потребовалась более интегральная онтологическая картина реальности. Аналогичную проблематику мы встречаем и в патопсихологии. При обращении к патопсихологическим явлениям мы встречаем предметности, разрабатываемые и в социальной психологии, и в возрастной психологии, и в психологии развития, психологии общения и пр. Вместе с этим, анализируя патопсихологические явления, мы встречаем новые явления развития, открываем новые формы общения, новые возможности терапии и пр. На этой основе мы приходим к необходимости такой культурно-исторической патопсихологии, которая содержит в себе и социальную, и возрастную психологию, и психологию развития и пр. И эта психология всегда социальна, она является диалогической психологией, всегда прослеживающей переходы социальных диалогов извне внутрь и обратно (Бурлакова, Олешкевич, 2018).

Но современная клиническая психология, как уже говорилось, организована сугубо предметно. И ее преподавание тоже организуется в стиле предметного обучения, сложившегося в прежние годы, когда предполагается, что, чем больше разработано предметных курсов, тем лучше. Однако практика показывает, что в рамках такого предметного обучения оказывается непросто подготовить как специалиста в практической области, так и настоящего творческого исследователя. Это свидетельствует о необходимости размышлений о перестройке клинико-психологического образования. Его основой может быть именно прикладная культурно-историческая клиническая

психология вместе с системным и проектным подходом к изучению патопсихологических явлений и возможностей их коррекции, превенции, терапии. Важным аспектом такой подготовки может стать именно психотехнический подход к пониманию психологии – психотехнические разработки клинико-психологического опыта вместе с соответствующими формами рефлексии и фиксации накопленных в клинической психологии знаний. Ведь если задавать ведущим специалистам в этой области такой вопрос: «Что известно (система четко очерченных знаний, точных методических рекомендаций и пр.) в клинической психологии, и что она реально может делать?», то можно ожидать, что этот вопрос погрузит в глубокие раздумья. Вместе с тем, такого рода инвентаризация клинико-психологического знания должна существовать и для целей обучения, образования, и для организации решения повседневных практических задач в социальной жизни, обществе, культуре. Хотя такая задача может показаться на первый взгляд простой, она методологически и технологически достаточно сложна, требует значительных усилий. Но, если мы хотим думать о системном развитии прикладной клинической психологии, то она должна быть решена.

Одну важную особенность культурно-исторической психологии можно определить следующим образом: психическое – по сути дела всегда есть бывшее внешнее и социальное, которое мы можем непосредственно изучать и контролировать (Вьготский, 1984). То есть, психическое – это не то, что просто есть и может быть изучено натурально, психическое, во всяком случае психическое в нашей культуре, всегда производится в социальных системах и внутри социальных диалогов. Следовательно, речь всегда идет о конструктивной психологии (Бурлакова, Олешкевич, 2020; Герген, 2016). Сегодня наблюдается значительное уско-

рение исторического времени, а вместе с этим идет быстрое изменение скорости трансформаций как социальных, так и психических структур нашего общества. Так, можно заметить, что те возрастные нормы, которые вчера еще были рабочими для определения психического развития ребенка, сегодня уже не работают (Фельдштейн, 2010).

Перестройка клинической психологии в контексте новых технологий

Многие новые психические явления непосредственно связаны с внедрением в общество новых технологий, которые, в свою очередь, непрерывно развиваются (Зинченко и др., 2010; Смылова, Войскунский, 2019; Andersson, 2016 и др.). Сегодня общеизвестен целый ряд психопатологических следствий быстрого развития новых информационных технологий (Емелин, Тхостов, 2013; Тхостов, Сурнов, 2005; Optican, Cavazos-Rehg, 2019; Judge, Sossong, 2019; Cabrera-Nguyen et al., 2016; Meersand, 2017 и др.). Эти явления исследуются, предметизируются, далее разрабатываются. Но вместе с развитием технологий скоро возникает целый ряд новых патопсихологических тенденций внутри новых технологических инноваций, которые снова требуют своего изучения, предметизации и т.д. Эта проблемная ситуация свидетельствует о необходимости перестройки самой структуры клинической психологии.

Одним из направлений такой перестройки является участие клинического психолога в разработках технологических инноваций с самого начала, изучение им возможных патологических явлений, инициированных технологиями, и на этой основе разработка своеобразных терапевтических и реабилитационных противоядий, внедренных в сами структуры инновационных технологических процессов и их структур. На основе такой работы сами выработанные психотехники могут включаться в инновационные процессы производства и развития новых технологий, например, в форме специфической психогигиены.

Однако культурно-историческая клиническая психология может и самосто-

тельно разрабатывать новые проекты, ориентируясь как на актуальную культурную ситуацию, так и предвосхищая всевозможные новые ситуации в культуре. Например, сегодня перед культурно-исторической клинической психологией стоит задача – ответить на культурный вызов со стороны пандемии нового коронавируса, психологические представления о которой у разных категорий людей весьма различны (Первичко и др., 2020; Рассказова, Емелин, Тхостов, 2020; Allington et al., 2020; Holmes et al., 2020; Zhou et al. 2020; Liang et al., 2020). Причем нужно иметь в виду, что само появление этого вируса в нашем окружении тоже может быть следствием некоторых сбоев в разработке новых технологических процессов. В любом случае здесь четко представлена прямая психологическая задача: что клиническая психология может в таких ситуациях сделать, что она может здесь предложить. В таких предложениях и обнажается сама суть психологии, сущностное раскрытие ее структуры.

Таким образом, задачи новой культурно-исторической психологии можно представить двояко. С одной стороны, она может аналитически подойти к пониманию развития новых технологий и активно участвовать в них посредством контроля, разработки проблематики психического здоровья и организации психического развития. Например, участвовать в разработке современных информационных пространств, социальных сетей и т.п. Одновременно она может непосредственно заниматься проектированием своих социальных сетей с заранее заданными психологическими свойствами, например, реабилитационных сетей. Здесь речь идет, прежде всего, об изучении внешних, социальных систем, которые формируют психику индивида и о проектировании таких систем нового типа, адекватных новым идеалам психического здоровья.

С другой стороны, речь может идти о культурно-историческом и диалогическом изучении психики страдающих людей, проектировании соответствующих социальных конфликтов во внешнее социальное пространство, а также в различные информационные пространства. На этой основе может быть организовано проектирование разного рода реабилитационных, терапевтических и разви-

Культурно-историческая клиническая психология может и самостоятельно разрабатывать новые проекты, ориентируясь как на актуальную культурную ситуацию, так и предвосхищая всевозможные новые ситуации в культуре. Например, сегодня перед культурно-исторической клинической психологией стоит задача – ответить на культурный вызов со стороны пандемии нового коронавируса, психологические представления о которой у разных категорий людей весьма различны

вающих информационных пространств, сетей и пр. (Lauckner, Whitten, 2016; Jefe-Bahloul et al., 2017), то есть разработка новых психотехнических систем, уже собственно психологических технологий. Речь идет как о разработках, идущих извне внутрь (например, уже существующих социальных пространств в различных направлениях), так и изнутри вовне (когда мы экстерииорируем внутренний конфликтный диалогический опыт в социальные пространства и разрабатываем их в терапевтических и социальных направлениях, подобно тому, как это происходит, например, в индивидуальной AVATAR-терапии уже сложившихся расстройств) (Leff et al., 2014). Таким образом, клиническая психология может вый-

щих проблем, основные очертания которых уже известны. И самое главное – она не располагала какими-либо отработанными конструктивными заготовками.

В связи с этим возникли сложности в формировании быстрых конструктивных ответов в ситуации новой пандемии, в организации активного участия в социально-психологической подготовке карантинных мер. Например, требование самоизоляции формулировалось и обосновывалось преимущественно в отрицательном модусе, как запреты (оставайтесь дома и пр.). Церковь изначально также не смогла позитивно психологически осмыслить ситуацию необходимой самоизоляции, хотя, казалось бы, именно в практике религиозной жизни есть ог-

Психология оказалась неспособной извлечь психологический позитив из необходимости социальной изоляции. Хотя могли быть оперативно сконструированы методики и подходы использования данной ситуации для того, чтобы более глубоко заняться собой, осознать свои незаконченные дела, сконцентрироваться на своих внутренних психологических задачах, на организации своего психосоматического отдыха, на релаксации, на осмыслении своего образа жизни и пр.

ти на новую технологическую ступень, встать на уровень развития основных социальных и культурных трендов современного общества, современных технологий. Здесь важен инженерный подход в клинической психологии, прогнозирующее мышление, которое идет впереди, предвосхищает новые психические расстройства и ориентировано на соответствующие превентивные разработки, а не на констатирующие исследования.

В новой экстремальной и нестандартной ситуации пандемии клиническая психология оказалась неподготовленной, неориентированной на оперативное решение соответствующих задач. Она привыкла к стандартным достаточно громоздким исследовательским действиям, направленным преимущественно на изучение уже случившегося, на отражение уже длительное время существую-

ромный позитивный исторический опыт действенной самоизоляции (опыт монастырского уединения, отшельничества, затворничества и пр.), ограничившись примером Марии Египетской.

Психология оказалась неспособной извлечь психологический позитив из необходимости социальной изоляции. Хотя могли быть оперативно сконструированы методики и подходы использования данной ситуации для того, чтобы более глубоко заняться собой, осознать свои незаконченные дела, сконцентрироваться на своих внутренних психологических задачах, на организации своего психосоматического отдыха, на релаксации, на осмыслении своего образа жизни и пр.

Эта ситуация могла быть в полную силу использована в широком социальном пространстве (не только для тех, кто

учится в школе или в вузе) для организации современных дистантных коммуникаций, онлайн коммуникации и обучения, для оперативного формирования новой культуры, стиля жизни, форм жизнедеятельности в информационном обществе, особенно для пожилых людей. Здесь речь идет именно о конструктивном психологическом мышлении, о создании новых психотехнических форм, пригодных для массового использования, особенно в экстремальных ситуациях. Это одновременно проектный подход

новой стороны, можно было бы заранее просчитать целый ряд психологических последствий соответствующих мероприятий, например, формирование дополнительного психологического напряжения, тревоги, отчуждения и пр. у людей. С другой стороны, речь идет о формировании некоторых новых поведенческих навыков. Для поддержания необходимого расстояния были установлены метки в общественных учреждениях, но это оказалось недостаточно. Следующий шаг должен был состоять в превращении

яния, которым мы сегодня пользуемся. По сути дела, речь идет о поддержании некоторой физической дистанции между людьми. Но это расстояние отличается как от социальной дистанции, так и от психологического расстояния. Здесь перед прикладной психологией возникает целый класс задач. И одна из задач прикладной клинической психологии состоит в понимании условий, при которых увеличение физического расстояния между людьми не будет уменьшать их социального и психологического расстояния и не станет впоследствии приводить к формированию психических дефектов в их самосознании. Результаты решения таких задач могут затем непосредственно включаться в социальные практики. Причем нужно иметь в виду, что такая работа не является ситуативной. Такие и подобные ситуации вполне могут ожидать человечество в будущем, и психология должна быть готова к их анализу и разрешению. Это должна быть новая, конструктивная психология.

У населения уже существуют установившиеся привычки поддержания социальной дистанции. Надо не только задать новые ориентиры для реализации нового типа поведения, но и сформировать его в короткие сроки. Причем, речь идет не о разрушении старых стереотипов поведения, а о формировании рядом с ними новых форм поведения

в психологии, где речь идет об оперативном использовании пилотажных исследований, социальных экспериментов, об активном внедрении их в общую социальную жизнь. При таком подходе уже на основе первых мысленных экспериментов и первичного мониторинга ситуации можно предвидеть возможность целого ряда негативных последствий такого рода экстремальной ситуации, таких как недостаток физического движения, параноидные реакции, конфликты в семье, разводы, реакции отчуждения, попытки суицида, переживание фрустрации, скуки, усиление тревоги, депрессии в общей популяции, сложные аффективные реакции у медицинских работников и др. (Brooks et al., 2020). Это впоследствии было подтверждено и в масштабных исследованиях (Li J. et al., 2020; Li Y. et al., 2020; Sun et al., 2020; Cao et al., 2020; Liang et al., 2020). Именно на такой парадигмальной, ориентированной на превентивность основе клинической психологии могла быть организована системная массовая психологическая помощь, сетевая психотерапия и пр. Можно было не ждать появления различного ряда психических расстройств, а заранее предвидеть их на основе анализа сложившейся новой социальной ситуации и проектировать соответствующие социально-психологические контрмеры.

Все это относится и к формированию навыков поддержания социального расстояния, установленного врачами. С од-

них внешних средств самоконтроля во внутренние, т.е. в психические средства. Нужно было задуматься, как обеспечить соблюдение социальной дистанции, какими психологическими средствами здесь можно воспользоваться, как сформировать у населения внутренние метки социального расстояния, внутренние ориентиры для соответствующей организации собственного поведения.

У населения уже существуют установившиеся привычки поддержания социальной дистанции. Надо не только задать новые ориентиры для реализации нового типа поведения, но и сформировать его в короткие сроки. Причем, речь идет не о разрушении старых стереотипов поведения, а о формировании рядом с ними новых форм поведения. Здесь важен анализ возможного использования подходящей мотивации для формирования такого нового поведения. Ею может быть, прежде всего, побуждение не заразиться вирусом от других и побуждение не передать этот вирус от себя другим. Эти и другие мотивы должны быть в самосознании человека определенным образом интегрированы. Например, когда страха заразиться уже нет, необходимо обратиться к уважению других людей, для которых мы можем стать источником заражения. В отношении детей и подростков эта задача превращается в самостоятельную психологическую проблему.

Для решения такого рода задач важно уточнить понятие социального расстоя-

Информационно-психологические инфекции и борьба с ними

Коронавирусная пандемия стала возможной потому, что мы живем в глобальном и информационном обществе, где физические и социальные расстояния существенно сокращаются, а иногда вообще уничтожаются. Здесь существенно облегчается и распространение вируса, и информационное отображение его распространения (Allington et al., 2020). Но общество позволяет также значительно снизить количество и качество непосредственных физических контактов людей, а, соответственно, возможности физического заражения вирусом. Во многих сферах социальной практики оказывается возможной работа на удалении, онлайн-обучение и дистантное общение, которое психологически может быть вполне полноценным общением. Возможно, настает время, когда физические контакты близких людей будут редкостью.

Современные информационные пространства могут и должны стать в клинической психологии самостоятельным предметом анализа. Сегодня мы легко

переходим от онлайн к офлайн коммуникации и мыслительности. То поведение, которое было сформировано в интернете, легко может стать реальным поведением. Верно так же и обратное. И в одном, и в другом случае существует целый ряд психологических опасностей. Например, распространение в интернете деструктивной и патологической информации, ложных сообщений. Использование прикладной психологии в управлении информационными пространствами позволяет не только предотвращать формирование патологических явлений, но и формировать поведение с заранее заданными психологическими свойствами.

Как показывают последние события в Белоруссии, современные информационные технологии способны беспрепятственно заряжать людей определенными идеями, формировать, раскалывать и пр. Индивид оказывается беспомощным перед информационной агрессией, ложной, эмоционально нагруженной информацией, фейками, прямыми психологическими воздействиями и т.п. Тут информационное общество открывается нам с другой стороны как обладающее всевозможными способами формирования психопатологии в информационных пространствах. Поэтому индивид нуждается в психологической защите от информационных и психических инфекций не менее, чем в защите от биологических вирусов.

Информационные технологии влияния на психику человека много раз описаны в соответствующей литературе (Почепцов, 2000 и др.). Психологический анализ позволяет не только формировать способы психологической защиты от их негативных влияний, но и проектировать соответствующие превентивные меры.

Даже простая инвентаризация патопсихологических знаний, с точки зре-

ния механизмов их функционирования и развития, может стать некоторой первоначальной основой для такого рода работ. Для этого нужно подойти к ним конструктивно, т.е. описать не только различные формы тревоги, параноидных или агрессивных состояний, но проанализировать их механизмы, и превратить эти патопсихологические знания в знания конструктивного типа. Причем, многие из них можно применять и по отношению к функционированию информационных пространств. Ряд исследований показывает, что существует определенная аналогия между формированием психических расстройств в реальных социальных пространствах и в интернет-пространствах. Это касается как содержания расстройств, так и их механизмов. Например, различного рода информационные зависимости, агрессия, влияние в информационном пространстве оказываются по своим механизмам аналогичны формированию физических зависимостей. Это же относится и к способам лечения, основанного на знании механизмов формирования расстройства, и их превенции. Поскольку сегодня переходы от социальной реальности к виртуальной и обратно, от офлайн поведения к онлайн поведению и обратно являются обычным повседневным делом, то современная клиническая психология может активно использовать онлайн коммуникации не только для системных исследований, но и для целого ряда прикладных разработок, в том числе для проектного участия в более широких технологических проектах. Даже клинко-психологически проработанные и психотехнически осмысленные рекомендации, предостережения, инструкции или ориентировки для широкого круга населения могут быть весьма значимым продуктом клинической психологии в нынешней ситу-

ации и возможных аналогичных ситуациях в будущем.

Заключение

Подытоживая, можно сказать, что традиционная клиническая психология перестает соответствовать современным задачам культуры. Современное информационное общество нуждается в разработке новой культурно-исторической конструктивной и психотехнической клинической психологии, психологии, ориентированной в том числе и на ее применение в массовом информационном обществе.

Задача разработки такой психологии требует сдвига рефлексии клинической психологии как бы от конца к началу, в частности, к анализу и интеграции всех ее оснований, инвентаризации всех основных подходов, типов знаний и т.д. Таким образом за широким, казалось бы, многообразием психологических техник этой психологии мы можем увидеть психотехнику деятельности, психотехнику подкрепления, психотехнику осознания и т.д., т.е. определенный набор психотехник, на которых выстраивается прикладная клиническая психология. Эта задача смыкается с более фундаментальной проблемой рефлексии российской психологии в целом и прикладной психологии в частности. Здесь мы должны ответить, например, на такие вопросы: «Каких результатов достигла деятельностная психология, и что она в действительности может? Какие современные задачи она способна решать?». Те же вопросы возникают и применительно к психологии отношений, общения и пр. То есть, решая вроде бы сугубо прикладные вопросы, мы невольно обращаемся также к целому ряду фундаментальных методологических и онтологических вопросов современной психологии в целом.

Литература

- Алфимова М.В. Современные тенденции развития зарубежной клинической психологии // Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии : коллектив. монография / под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рожиной. – Москва : Сам полиграфист, 2018. – С. 28–41.
- Бибчук М.А., Жуикова Е. Помощь семье: психология решений и перемен. – Москва : Класс, 2015. – 312 с.
- Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Развитие прикладной клинической (медицинской) психологии в информационном обществе // Национальный психологический журнал. – 2019. – Т. 33. – № 1. – С. 68–77. DOI 10.11621/npj.2019.0107
- Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Перспективы интеграции социальных и клинко-психологических предметностей в контексте разработки системного культурно-исторического исследования [Электронный ресурс] // Психологические исследования – 2018. – Т. 11. – № 62 : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/179-v11n62/1645-burlakova62.html> – (дата обращения 02.08.2020)

Бурлакова Н. С., Олешкевич В.И. Социально-психологическая терапевтически-развивающая среда для трудных детей: история и современные возможности проектирования // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2020. – № 3. – С. 262–290.
DOI 10.11621/vsp.2020.03.12

Врач-пациент: общение и взаимодействие. – Женева; Амстердам; Киев : ВОЗ, 1996. – 55 с.

Выготский Л.С. Собрание соч. В 6 тт. – Москва : Педагогика, 1983–1984.

Герген К.Дж. Социальная конструкция в контексте. – Харьков : Гуманитарный центр, 2016. – 328 с.

Гуваков В.И., Комарова Н.А. Проблемы гуманитаризации медицинского знания // Проблемы гуманитарного познания. – Новосибирск : Наука, 1986. – С. 202–211.

Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 74–84.

Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М., Черноризов А.М., Войскунский А.Е. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1(3) – С. 54–62.

Олешкевич В.И. Психология как психотехника. – Москва : Юрайт, 2019.

Олешкевич В.И. Психология, психотерапия и социальная педагогика А. Адлера. – Москва : Юрайт, 2020.

Первичко Е.И., Митина О.Б., Степанова О.Б. и др. Восприятие covid-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. – 2020. – Т. 9. – № 2. – С. 119–146. DOI 10.17759/cpse.2020090206

Печникова Л.С., Олешкевич В.И. Культурно-исторический и психотехнический анализ проблем социально-психологической помощи семьям с родственной опекой // Психологические проблемы современной семьи : сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 694–700.

Почепцов Г.Г. Психологические войны. – Москва : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 2000. – 524 с.

Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Категоричные представления о причинах, проявлениях и последствиях коронавируса: психологическое содержание и связь с поведением // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2020. – № 2. – С. 62–82. DOI 10.11621/vsp.2020.02.04

Смыслова О.В., Войскунский А.Е. Киберзаболевание в системах виртуальной реальности: феноменология и методы измерения // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 4. – С. 85–94. DOI 10.31857/S020595920005473-6

Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 16–24.

Урываев В.А. Кафедра медицинской психологии в медицинском ВУЗе: взгляд на перспективу // Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии : коллектив. монография / под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной. – Москва : Сам полиграфист, 2018. – С. 58–66.

Фельдштейн Д. И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 2. – С. 98–104.

Allington, D., Duffy, B., Wessely, S., Dhavan, N., & Rubin, J. (2020). Health-protective behaviour, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency. *Psychological Medicine*, Jun 9, 1–7. doi: 10.1017/S003329172000224X

Andersson G. (2016) Internet-Delivered Psychological Treatments // *Annu. Rev. Clin. Psychol.* V. 2, 157–179. doi: 10.1146/annurev-clinpsy-021815-093006

Brooks, S. K., Webster, R. K., Smith, L. E., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg, N., & Rubin, G. J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*, 2(395), 912–920. doi:10.1016/S0140-6736(20)30460-8

Cabrera-Nguyen E.P., Cavazos-Rehg P., Krauss M., Bierut L.J., Moreno M.A. (2016). Young adults' exposure to alcohol- and marijuana-related content on Twitter. *J. of Studies on Alcohol and Drugs*, 77(2). 349–353. doi: 10.15288/jsad.2016.77.349

Cao W, Z Fang, G Hou, M Han, X Xu, J Dong, et al. (2020). The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China. *Psychiatry Research*, 287, Article 112934. doi: 10.1016/j.psychres.2020.112934

Holmes EA, RC O'Connor, VH Perry, I Tracey, S Wessely, L Arseneault, et al. (2020). Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: a call for action for mental health science. *Lancet Psychiatry*, 7 (6), 54–560, doi: 10.1016/S2215-0366(20)30168-1

Jefee-Bahloul H, Barkil-Oteo A, Augusterfer EF, eds. (2017). *Telemental health in Resource-Limited Global Settings*. Oxford University Press, 15–32. doi: 10.1093/med/9780190622725.001.0001

Judge A., Sossong A. (2019). Sexting and Cyberbullying in the Developmental Context: Use and Misuse of Digital Media and Implications for Parenting // Ed. Beresin E., Olson C. *Child and Adolescent Psychiatry and the Media*. Elsevier. 23–38. doi: 10.1016/B978-0-323-54854-0.00003-5

Lauckner C., Whitten P. (2016). The state and sustainability of telepsychiatry programs. *Journal of Behavioral Health Services & Research*, 43(2), 305–318. doi: 10.1007/s11414-015-9461-z

Leff J., Williams G., Huckvale M., Arbuthnot M., Leff A.P. (2014). Avatar therapy for persecutory hallucinations: what is it and how does it work? *Psychosys*, 6(2), 166–176. doi: 10.1080/17522439.2013.773457

Li J, Z Yang, H Qiu, Y Wang, L Jian, J Ji, et al. (2020). Anxiety and depression among general population in China at the peak of the COVID-19 epidemic. *World Psychiatry*, 19 (2), 249–250. doi: 10.1002/wps.20758

Li Y., Y Wang, J Jiang, UA Valdimarsdóttir, K Fall, F Fang, et al. (2020). Psychological distress among health professional students during the COVID-19 outbreak. *Psychological Medicine*, 11, 1–3. doi: 10.1017/S0033291720001555

Liang L., H Ren, R Cao, Y Hu, Z Qin, C Li, et al. (2020). The effect of COVID-19 on Youth mental health. *Psychiatr. Quarterly*, 91, pp. 841–852. doi: 10.1007/s1126-020-09744-3.

Meersand P. (2017). Early latency and the impact of the digital world: exploring the effect of technological games on evolving ego capacities, superego

development, and peer relationships. *Psychoanal. Study Child*, 70(1), 117–129. doi: 10.1080/00797308.2016.1277883

Optican A., Cavazos-Rehg P. (2019). Addicted media: Substances on Screen // Ed. Beresin E., Olson C. *Child and Adolescent Psychiatry and the Media*. Elsevier, 61–74. doi: 10.1016/B978-0-323-54854-0.00006-0

Sun N, S Shi, D Jiao, R Song, L Ma, H Wang, et al. (2020). A qualitative study on the psychological experience of caregivers of COVID-19 patients. *Am. J. Infect. Control*, 48(6), 592–598 doi: 10.1016/j.ajic.2020.03.018

Zhou S.J., LG Zhang, LL Wang, ZC Guo, JQ Wang, JC Chen, et al. (2020). Prevalence and socio-demographic correlates of psychological health problems in Chinese adolescents during the outbreak of COVID-19. *Eur. Child Adolesc. Psychiatry*, 29(6), 1–10, doi: 10.1007/s00787-020-01541-4

References:

Alfimova M.V. (2018). Modern trends in the development of foreign clinical psychology. Methodological and applied problems of medical (clinical) psychology. Moscow: Sam polygraphist, 28–41.

Allington, D., Duffy, B., Wessely, S., Dhavan, N., & Rubin, J. (2020). Health-protective behaviour, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency. *Psychological Medicine*, Jun 9, 1–7. doi:10.1017/S003329172000224X

Andersson G. (2016) Internet-Delivered Psychological Treatments // *Annu. Rev. Clin. Psychol.* V. 2, 157–179. doi: 10.1146/annurev-clinpsy-021815-093006

Bebchuk M.A., Zhuikova E. (2015). Help for the family: psychology of decisions and changes. Moscow: Class, 312 p.

Brooks, S. K., Webster, R. K., Smith, L. E., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg, N., & Rubin, G. J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*, 2(395), 912–920. doi:10.1016/S0140-6736(20)30460-8

Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. (2018). Prospects for the integration of social and clinical- psychological objects in the context of the development of a systemic cultural and historical research. *Psychological research*, 11(62) [site]. Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/179-v11n62/1645-burlakova62.html>. (accessed 02.08.2020)

Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. (2019). The development of applied clinical (medical) psychology in the information society. *National psychological journal*, 33(1), 68–77. doi 10.11621 / npj.2019.0107

Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. (2020). Socio-psychological therapeutic and developmental environment for difficult children: history and modern design possibilities. [*Vestnik Moskovskogo Universiteta*]. Series 14. Psychology, 3. 262–290. doi: 10.11621/vsp.2020.03.12

Cabrera-Nguyen E.P., Cavazos-Rehg P., Krauss M., Bierut L.J., Moreno M.A. (2016). Young adults' exposure to alcohol- and marijuana-related content on Twitter. *J. of Studies on Alcohol and Drugs*, 77(2). 349–353. doi: 10.15288/jsad.2016.77.349

Cao W, Z Fang, G Hou, M Han, X Xu, J Dong, et al. (2020). The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China. *Psychiatry Research*, 287, Article 112934. doi: 10.1016/j.psychres.2020.112934

(1996). Doctor-patient: communication and interaction. Geneva; Amsterdam; Kiev: WHO, 55 p.

Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. (2013). The Babylonian Network: Erosion of Truth and Diffusion of Identity in the Internet Space. [*Problemi Filosofii*], 1, 74–84.

Feldshtein D.I. (2010). Psychological and pedagogical problems of building a new school in the context of significant changes in the child and the situation of his development. *Cultural-Historical Psychology*, 2, 98–104.

Gergen K.J. (2016). Social construction in context. Kharkov: Gumanitarnii Center, 328 p.

Guvakov V.I., Komarova N.A. (1986). Problems of humanitarization of medical knowledge. [*Problemi gumanitarnogo poznaniya*]. Novosibirsk: Nauka, 202–211.

Holmes EA, RC O'Connor, VH Perry, I Tracey, S Wessely, L Arseneault, et al. (2020). Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: a call for action for mental health science. *Lancet Psychiatry*, 7 (6), 54–560, doi: 10.1016/S2215-0366(20)30168-1

Jefee-Bahloul H, Barkil-Oteo A, Augusterfer EF, eds. (2017). Telemental health in Resource-Limited Global Settings. *Oxford University Press*, 15–32. doi: 10.1093/med/9780190622725.001.0001

Judge A., Sosson A. (2019). Sexting and Cyberbullying in the Developmental Context: Use and Misuse of Digital Media and Implications for Parenting // Ed. Beresin E., Olson C. *Child and Adolescent Psychiatry and the Media*. Elsevier. 23–38. doi: 10.1016/B978-0-323-54854-0.00003-5

Lauckner C., Whitten P. (2016). The state and sustainability of telepsychiatry programs. *Journal of Behavioral Health Services & Research*, 43(2), 305–318. doi: 10.1007/s11414-015-9461-z

Leff J., Williams G., Huckvale M., Arbutnot M., Leff A.P. (2014). Avatar therapy for persecutory hallucinations: what is it and how does it work? *Psychosys*, 6(2), 166–176. doi: 10.1080/17522439.2013.773457

Li J, Z Yang, H Qiu, Y Wang, L Jian, J Ji, et al. (2020). Anxiety and depression among general population in China at the peak of the COVID-19 epidemic. *World Psychiatry*, 19 (2), 249–250. doi: 10.1002/wps.20758

Li Y., Y Wang, J Jiang, UA Valdimarsdóttir, K Fall, F Fang, et al. (2020). Psychological distress among health professional students during the COVID-19 outbreak. *Psychological Medicine*, 11, 1–3. doi: 10.1017/S0033291720001555

Liang L , H Ren, R Cao, Y Hu, Z Qin, C Li, et al. (2020). The effect of COVID-19 on Youth mental health. *Psychiatr. Quarterly*, 91, pp. 841–852. doi: 10.1007/s11126-020-09744-3.

Meersand P. (2017). Early latency and the impact of the digital world: exploring the effect of technological games on evolving ego capacities, superego development, and peer relationships. *Psychoanal. Study Child*, 70(1), 117–129. doi: 10.1080/00797308.2016.1277883

Oleshkevich V.I. (2019). Psychology as psychotechnics. Moscow: Yurayt, 2019.

Oleshkevich V.I. (2020). Psychology, psychotherapy and social pedagogy of A. Adler. Moscow: Yurayt, 2020.

Optican A., Cavazos-Rehg P. (2019). Addicted media: Substances on Screen // Ed. Beresin E., Olson C. *Child and Adolescent Psychiatry and the Media*. Elsevier, 61–74. doi: 10.1016/B978-0-323-54854-0.00006-0

- Pechnikova L.S., Oleshkevich V.I. (2018)/ Cultural-historical and psycho-technical analysis of the problems of social and psychological assistance to families with relatives guardianship // Psychological problems of the modern family. Materials of the VIII international scientific and practical conference. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 694–700.
- Pervichko E.I., Mitina O.B., Stepanova O.B. et al. (2020). Perception of covid-19 by the population of Russia in the context of the 2020 pandemic. [*Klinicheskaya I sotsial'naya psichologiya*], 9(2), 119–146. doi: 10.17759/cpse.2020090206
- Pocheptsov G.G. (2000). Psychological wars. Moscow: Refl-book; Kiev: Vakler, 524 p.
- Rasskazova E.I., Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. (2020). Categorical ideas about the causes, manifestations and consequences of coronavirus: psychological content and connection with behavior. [*Vestnik Moskovskogo Universiteta*] Series 14. Psychology, 2, 62–82. doi: 10.11621/vsp.2020.02.04
- Smyslova O.V., Voiskunsky A.E. (2019). Cyber disease in virtual reality systems: phenomenology and measurement methods. [*Psichologicheskii Zhurnal*], 10(4), 85–94. doi: 10.31857 / S020595920005473-6
- Sun N, S Shi, D Jiao, R Song, L Ma, H Wang, et al. (2020). A qualitative study on the psychological experience of caregivers of COVID-19 patients. *Am. J. Infect. Control*, 48(6), 592–598. doi: 10.1016/j.ajic.2020.03.018
- Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. (2005). The influence of modern technologies on personality development and the formation of pathological forms of adaptation: the reverse side. [*Psichologicheskii Zhurnal*], 26(6), 16–24.
- Uryvaev V.A. (2018). Department of Medical Psychology at a Medical University: a perspective view. Methodological and applied problems of medical (clinical) psychology: collective. monograph . Moscow: Sam polygraphist, 58–66.
- Vygotsky L.S. (1983–1984). Collected Works. In 6 vols. Moscow: Pedagogika.
- Zhou S.J , LG Zhang, LL Wang, ZC Guo, JQ Wang, JC Chen, et al. (2020). Prevalence and socio-demographic correlates of psychological health problems in Chinese adolescents during the outbreak of COVID-19. *Eur. Child Adolesc. Psychiatry*, 29(6), 1–10, doi: 10.1007/s00787-020-01541-4
- Zinchenko Yu.P., Menshikova G.Ya., Bayakovskiy Yu.M., Chernorizov A.M., Voiskunsky A.E. (2010). Virtual reality technologies: methodological aspects, achievements and prospects. *National psychological journal*, 1(3), 54–62.